

- Lévi-Strauss* 1975 – *Lévi-Strauss C.* The Raw and the Cooked. N.Y.: Harper & Row, 1975.
Lévi-Strauss 1976 – *Lévi-Strauss C.* Structural Anthropology II. N.Y.: Basic Books, 1976.
Maud 1989 – *Maud R.* The Henry Tate – Franz Boas collaboration on Tsimshian mythology // *American Ethnologist*. 1989. Vol. 6. P. 158–162.
Mauss 1967 – *Mauss M.* The Gift. N.Y.: W.W. Norton & Company, 1967.
Ricœur 1983 – *Ricœur P.* Temps et récit. Vol. 1. L'Intrigue et le récit historique. P.: Éditions du Seuil, 1983.
Rossi 1974 – *Rossi I.* Theoretical Assumptions and Their Historical Antecedents: Intellectual Antecedents of Lévi-Strauss' Notion of Unconscious // *The Unconscious in Culture: The Structuralism of Claude Lévi-Strauss in Perspective* / Ed. I. Rossi. N.Y.: E.P. Dutton & Co, 1974. P. 7–30.
Thomas et al. 1976 – *Thomas L.L., Kronenfeld J.Z., Kronenfeld D.B.* Asdiwal Crumbles: A Critique of Lévi-Straussian Myth Analysis // *American Ethnologist*. 1976. Vol. 3. P. 147–173.
Turner 1977 – *Turner T.S.* Narrative Structure and Mythopoesis: A Critique and Reformulation of Structuralist Concepts of Myth, Narrative and Poetics // *Arethusa*. 1977. Vol. 10. P. 103–163.
Turner 1980 – *Turner T.S.* Le Dénicheur d'oiseaux en contexte // *Anthropologie et Sociétés*. 1980. Vol. 4. P. 85–115.
Vygotsky 1978 – *Vygotsky L.S.* Mind in Society: The Development of Higher Psychological Processes. Cambridge (MA): Harvard University Press, 1978.
Worth 1961 – *Worth D.S.* Kamchadal Texts Collected by W. Jochelson. The Hague: Mouton, 1961.

Перевод с французского К.В. Пименовой

ЭО, 2008 г., № 6

© Т. Тэрнер

О СТРУКТУРЕ И ЭНТРОПИИ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ИМИТАЦИИ И ПРОТИВОРЕЧИЯ "СТРУКТУРАЛИЗМА"

О "структурализме" как форме антропологического мышления, ассоциирующейся прежде всего с работой Леви-Строса, обычно рассуждают как об основанном на концепции "структуры", которая в более или менее равных долях была позаимствована из лингвистики и математики. Лингвистические идеи, из которых Леви-Строс черпал вдохновение, сегодня довольно хорошо известны. "Математическую" сторону дела, однако, понимали совсем не так хорошо. Этот пробел восполнен М. Альмейдой, мастерски изложившим как раз математические идеи, которые, по-видимому, задействовал – эксплицитно или имплицитно – Леви-Строс: это теория групп с ее понятиями

Теренс Тэрнер (Turner) – почетный профессор кафедр антропологии Чикагского и Корнельского университетов (США).

Публикуется с разрешения Теренса Тэрнера, журнала "Current Anthropology" и издательства "The University of Chicago Press". *Etnograficheskoe Obozrenie* thanks Terence Turner, *Current Anthropology*, and the *University of Chicago Press* for the kind permission to publish the Russian translation of the article that originally appeared as:

Terence Turner, «On Structure and Entropy: Theoretical Pastiche and the Contradictions of "Structuralism"», *Current Anthropology*, Vol. 31, No. 5, 1990, pp. 563–568 © The Wenner-Gren Foundation for Anthropological Research. The University of Chicago Press/The Wenner-Gren Foundation for Anthropological Research is not responsible for the accuracy of translation from English.

"группа", "трансформация", "инварианта", а также понятия о топологии, вероятности и энтропии, взятые из других разделов математики (Almeida 1990).

Концепция структуры, построенная на принципах инвариантных ограничений, управляющих трансформациями, конечно, не заканчивается теорией групп и вообще математикой – она лежит в фундаменте любого типа структурного анализа. Леви-Строс не был первым, кто применил ее к изучению человеческой сферы. Анализ трансформации ценностей в производственные цены, выполненный Марксом в 3-м томе "Капитала", был такого же рода; причем можно привести и много других примеров (особенно показательных – из работ Бейтсона и Пиаже, современников Леви-Строса). Однако специфическая манера, в которой Леви-Строс применял данную концепцию к антропологическому материалу, резко отделяет его от этих и других мыслителей, пробовавших ее на социальном, культурном и психологическом материале. Специфический подход Леви-Строса – результат его попытки синтезировать концепцию трансформации группы с базовыми идеями лингвистики де Соссюра и фонологии Пражской школы.

Статья Альмейды сослужит огромную службу тем, кто захочет осмыслить математические понятия о структуре, энтропии, трансформации и инвариантах, скрывающиеся за метафорическим употреблением этих терминов в работах Леви-Строса. Будем надеяться, что она также подвигнет некоторых к тому, чтобы попытаться применить эти понятия иным и более продуктивным способом, чем тот, которым до сих пор пользовались Леви-Строс и другие "аналитики структурализма". Когда Альмейда говорит, что более внимательное изучение математических понятий о трансформации, инвариантах, группе, структуре и энтропии приведет к лучшему пониманию теоретической позиции Леви-Строса и более эффективному применению его аналитического метода, я должен не согласиться. Я считаю, наоборот, что слишком вольная метафорическая манера использования этих понятий у Леви-Строса с самого начала страдала неверными посылками и противоречиями, которые не имеют никакого отношения к математическому содержанию данных понятий.

Теоретический синтез лингвистики и математики у Леви-Строса – творчески исполненный и блестящий, каким он, безусловно, является – просто не сработал, даже с точки зрения его собственных критериев, когда оказался применен к анализу социальных и культурных явлений. Невозможно обнаружить ни одного примера анализа Леви-Стросом каких бы то ни было материалов социального или культурного характера, который бы удовлетворял критерию его "математического" понимания структуры: возможности идентифицирования конечной совокупности трансформаций, в которой сохранялся бы некий инвариантный аспект отношений между этими трансформациями, определяющий данную совокупность как интегральное целое. Не отрицаю, что многие аналитические опыты Леви-Строса изобилуют ценными идеями и проницательными наблюдениями, но лишь указываю на то, что сама идея "структурного анализа", в строгом смысле основанная на математических понятиях, которые он стремился применить, – не в их числе.

Ни теоретический кризис структурализма, ни его неуспехи на практике научного анализа нельзя списывать на математическое содержание тех понятий о группе, трансформации и инвариантах, что были опробованы в нем; как нельзя найти и оснований для утверждения, что эти понятия вообще принципиально не применимы к материалу социального и культурного характера. Наоборот, как я уже отметил, они плодотворно применялись к материалу такого рода многими исследователями. И отсюда вытекает, что никакое прояснение сути этих понятий, каким бы полезным оно ни было само по себе, не поможет снять противоречия структуралистской позиции.

Вместо того чтобы предположить, что неудачи структурного анализа в деле научного моделирования намекают на определенную дефектность модели, Леви-Строс попытался рационализировать ситуацию с помощью того, что стал винить материал. В ходе его многолетней работы появлялись все более изощренные утверждения о внут-

ренне фрагментарном, децентрализованном, незавершенном, постоянно меняющемся, "бриколажном" – одним словом, относительно неструктурированном характере материала, который ему приходилось исследовать; причем эти утверждения сопровождались параллельным сдвигом от более простых и конкретных конструкторов в дефинициях материала к более абстрактным, невыразимым, эмпирически не описываемым структурам мышления, которые интерпретировались как сочетания ассоциаций и тропов. На увлеченность Леви-Строса идеей энтропии – идеей наивысшей дезинтеграции культуры – можно смотреть как на еще одно выражение той же самой тенденции.

Отправившись более 40 лет назад на поиски социальных и культурных структур, отмеченных свойствами трансформационных групп с постоянными инвариантами, и заявив, что "доказательство верности анализа – в синтезе", Леви-Строс и исследователи, наиболее преданно имитировавшие его методы, с тех пор инвариантно обнаруживали лишь то, что синтез никак не материализуется. В то же самое время структурализм, начавший свой путь с вызова, брошенного редукционизму позитивистских, эмпирицистских и психологических подходов к изучению культурных явлений, и призвавший к поиску внутренних структурных свойств этих явлений, показал себя как еще более радикальный вариант редукционизма, постулировавший конечный распад всех культурных структур, культуры самой по себе, субъективности, значения, истории и, наконец (что, впрочем, немаловажно для нас!), антропологии, которой грозило превращение в рудиментарную форму чего-то вроде психологии ассоциаций, якобы способной открыть нам формальные структуры, четко соответствующие сенсорным свойствам естественных объектов. Я хочу поделиться своими размышлениями по поводу трех взаимосвязанных аспектов этой полной иронии интеллектуальной траектории: противоречивые отношения между лингвистическими и математическими элементами в структуралистском понятии о "структуре"; тема энтропии; и структуралистское понятие о взаимоотношении природы и культуры.

Применение идеи трансформационной группы к антропологическому материалу у Леви-Строса было обусловлено его априорным предположением, что индивидуальные образцы социальных и культурных структур должны рассматриваться как случаи контрастирующих парадигм, по модели структурной фонологии Пражской школы. Из этого следовало, что любое конкретное культурное явление (система родства конкретного общества или конкретный "вариант" его мифов) можно было рассматривать лишь с точки зрения единичной трансформации той структуры, которую данное явление олицетворяло. Основной целью этого предположения было переместить нишу "тотальности", соответствующей математической "группе" трансформаций (т.е. нишу "структуры", строго говоря), на уровень теоретически постулируемых "мета-тотальностей", стоящих выше конкретных обществ или культурных конструкторов, – т.е. на уровень группы "вариантов" мифа или совокупности всех "элементарных структур" родства. Однако определить эти гипотетические мета-тотальности с точностью, необходимой для идентифицирования инвариантных факторов, разграничивающих те или иные группы трансформаций, оказалось невозможно. Короче говоря, невозможно оказалось описать эти гипотетические конструкции на языке категорий, которые бы удовлетворяли хотя бы минимальным требованиям той самой "математической" концепции структуры, от которой изначально отталкивался Леви-Строс.

Леви-Строс, как кажется, никогда не рассматривал возможность того, что "структурные" отношения, с теоретической точки зрения "групп" ("группы трансформаций", "инвариантные факторы"), можно было бы идентифицировать на уровне *внутренней* организации конкретных систем родства или мифов. В его ранних "структуралистских" выкладках по родству постулировалось, что ту или иную индивидуальную систему родства и брака *как целое* (или, скорее, ту часть этой системы, с которой он предпочитал иметь дело) можно было рассматривать как пример индивидуальной трансформации в "группе", составленной из других примеров такого же типа, но относящихся к

разным обществам. В его поздних работах на тему мифа и тотемной классификации индивидуальный "вариант" мифа рассматривался как представляющий собой целостную индивидуальную трансформацию, а "группа мифов", состоящая из вариантов, относящихся к разным обществам и/или эпохам, понималась как средоточие инвариантных факторов (т.е. как "группа" в математическом смысле), управляющих структурными отношениями между вариантами и, конечно, *внутри* самих вариантов. Вероятность того, что синтагматические и прагматические аспекты организации социальных и культурных феноменов (которые этнография выставляет как "целое" в некотором роде) могли бы сами выступать носителями структурной информации – или хотя бы конструировать первичный уровень "структурных" отношений в том смысле, который вкладывается в это понятие в трансформационной модели групп, – эта вероятность была исключена в силу сосюрковского определения, согласно которому все отношения такого типа должны были относиться к категории (неактуальной, со структурной точки зрения) "parole". Все следы таких отношений, соответственно, устраняются на самом раннем этапе структуралистского анализа леви-стросовскими "подсечно-огневыми" методологическими приемами, с помощью которых сначала факты, как компоненты диахронного процесса социального действия, абстрагируются и отделяются от их прагматического контекста, а затем подчищаются их внутренние синтагматические аспекты (нарративная структура мифа, характер отражения циклов развития семьи и локальной группы в системах родства, схемы классификаций и т.д.). То, что остается после этого, перетасовывается способом аналитического бриколажа и подводится под сосюрковские парадигмы отношений между "обозначителями" (signifiers), которые, как постулируется, достаточно единообразно – т.е. на синхронном уровне и без значительных отклонений – формируют "вариант" как целое. На этой стадии анализа, разумеется, невозможно идентифицировать "трансформации" в массе этих отношений – т.е. внутренние вариации во взаимоотношениях между элементами заданной группы, выделенные по аналогии с некоторой закономерностью инвариантных факторов. Даже если Леви-Строс и в самом деле нередко говорит о "трансформациях" как компонентах индивидуальных "вариантов" мифа, он рассматривает их аналитически просто как альтернативные формы "знаковой нагрузки" в сосюрковском смысле (т.е. "сырое" – "вареное"), а не как операции, базирующиеся на таких контрастах и являющиеся составной частью "группы" операций, образованной инвариантными факторами (т.е. "структуры" в математическом смысле). Если "структура" определяется с точки зрения некоего набора инвариантных отношений, наблюдаемого во множестве трансформаций, то, как ни парадоксально, становится невозможно говорить о существовании "структуры" индивидуального "варианта", т.е. структуры какого-то *отдельного* мифа или какой-то *отдельной* системы родства. Можно говорить лишь о "структуре" вариантов как группы – "структуре", которая находится *извне* любого из них, на уровне взаимоотношений между ними, т.е. на уровне "группы" вариантов как целого. Но никому пока не удалось ни обнаружить какой-либо эмпирической основы для выделения подобных "суперкультурных" групп, ни, как я уже отметил, дать им определение на таком формальном уровне точности, какого требует теория. Эти два аспекта взаимозависимы на практике: для того чтобы продемонстрировать функционирование инвариантных факторов с достаточной точностью в целях четкого разграничения между "трансформациями", принадлежащими и *не* принадлежащими группе, на практике нужно будет нащупать определенную связь между теоретической формой структурной модели и каким-либо аспектом эмпирического материала, на описание которого претендует данная модель. Творчество Леви-Строса, как я уже заметил, стало двигаться, наоборот, в противоположном направлении – в сторону все большей программной и эмпирической неопределенности: от хоть как-то формально определяемых групп трансформаций к ни чем не ограничиваемым ассоциативным цепочкам, от инвариантности к метафоре, от структурированной тотальности к "телу, которое име-

ет множество измерений и в центральных частях которого обнаруживается структура, в то время как на его периферии продолжают царить неопределенность и смешение... [и которое], будучи расчленено аналитическими процедурами, уже [никогда] не сможет кристаллизироваться в целое, выглядящее как стабильная и хорошо очерченная структура" (*Lévi-Strauss* 1969: 3). Этот пассаж приводится в "Увертюре" к "Сырому и вареному"¹ для того, чтобы охарактеризовать сущность мифологического мышления, но на самом деле он является восхитительно лаконичным описанием того бесструктурного характера, которым отличается сам структурный анализ Леви-Строса. И хотя в той же "Увертюре" он приводит несколько других запоминающихся пассажей в качестве аргументов в пользу того, что два аспекта, о которых мы рассуждали выше, в конечном итоге выливаются в одно и то же, единственным фактическим доказательством, которым он оперирует, все равно является его собственный структурный анализ мифов, а потому его аргументы вызывают здесь, скажем так, массу вопросов. Вопрос же, на который самого Леви-Строса неизбежно наталкивает критическая проверка того, как он пользуется своей же концепцией структуры, наоборот, заключается в том, имеет ли в конце концов какое-либо существенное значение, "обретают ли форму мыслительные процессы у южноамериканских индейцев через призму моего мышления, или же мое собственное мышление обретает форму через призму их мышления" (Там же: 13).

Я полагаю (как это, видимо, уже ясно), что тот прием растворения эмпирических данных в математической модели, которым пользуется Леви-Строс, изначально редуцируя эти данные до уровня внутренне гомогенных, образованных синхронными элементами парадигм, является центральным противоречием его теоретической позиции. Я не случайно пользуюсь словом "противоречие", потому что результат состоит именно в том, что две составляющие (вполне способные работать по отдельности) его концепции структуры – модель трансформационных групп и языковые парадигмы Пражской школы – противопоставляются в такой манере, что ни ту ни другую становится невозможно применить к фактическому материалу надлежащим образом, и все заканчивается тем, что обе проецируются на гипотетические конструкции, лишённые тех свойств, которые в первую очередь и нужны для применения этих моделей. Именно в таком смысле можно справедливо говорить о том, что структуралистская концепция структуры является саморазрушающей, как и о том, что в практическом применении структурализм сам же неожиданно оказался первым постструктурализмом (что одним из первых заметил Деррида (*Derrida* 1970)).

В противовес леви-стросовскому понятию структуры, опирающемуся на измерение языка ("*langue*") де Соссюра, я настаиваю на том, что, как раз наоборот, измерение речи ("*parole*") – т.е. измерение прагматических контекстных отношений и внутренней синтагматической организации целостных культурных элементов, которые Леви-Строс называет "вариантами" – поставляет нам наиболее удобную основу для применения модели трансформационных групп к социальным и культурным явлениям. Внутренняя организация этих культурных элементов на самом деле характеризуется присутствием относительно сложного набора отношений и "трансформационных" операций (различные нарративы; стадии циклов развития; отдельные обряды, входящие в состав сложных ритуалов; последовательные этапы в системах обмена и т.д.), обнаруживающих как парадигматические, так и синтагматические свойства. Пучки этих отношений и операций дифференцируются на критериях трансформации, которую претерпевает тот или иной их формальный либо семантический аспект, непосредственно относящийся к сфере прагматических связей между ними и социальными контекстами, в которых они разворачиваются, а также установками и намерениями агентов, с помощью которых они осуществляются. Такой уровень структурной сложности – гораздо более богатый деталями и отличающийся более глубокой организацией, по сравнению со "спектрообразным" уровнем *langue* в понимании де Соссюра –

мог бы действительно предложить рабочий аналог идеям математических "групп" и трансформационных структур (см.: *Turner* 1977, 1979, 1980, 1985).

Более того, именно на уровне индивидуального "варианта" – конкретной системы родства, мифа, нарратива – структура предстает "вырисованной" установками и намерениями агентов и, таким образом, наполненной значением, субъективностью и "привязанностью" к социальному контексту действия. Отстранение структурного анализа у Леви-Строса от трех отмеченных принципов, как и отстранение самой структуры от конкретных социальных и культурных форм, являющихся ее предполагаемыми носителями, – опять же скорее результат априорного следования идеям де Соссюра, чем нечто, необходимо вытекающее из использования концепции трансформационных групп. Перемещение теоретической концепции "структуры" в сферу, лежащую за пределами какой-либо конкретной культурной единицы и, в самом деле, за пределами любой отдельной социальной или культурной системы, по определению, отделяет эту концепцию от любого феномена, в котором мы находим субъективное сознание, интерпретируемое значение, социальное действие или социальную структуру. Отстранения подобного типа пересекаются с фундаментальными антиномиями лингвистической идеологии де Соссюра, среди которых: отделение познания от действия, культуры – от общества, парадигмы – от синтагмы, текста – от контекста, структуры – от исторического процесса, субъективности – от структур сознания. Такая инертная и концептуально атомизированная теоретическая вселенная является подходящим фоном для элегических размышлений Леви-Строса на тему энтропии.

Принять внутреннюю структуру культурных элементов либо подсистем социальных отношений за отправную точку для проведения структурного анализа – не значит реифицировать культурные либо социальные единицы и не значит оставить попытку провести сравнительный анализ их структур. Но это значит утверждать, что, прежде чем эти структуры можно будет сравнивать и говорить о трансформациях, происходящих между ними, сначала нужно все-таки понять, что они из себя представляют. Любые конструкции и продукты мышления, которые члены общества сами определяют для себя как нечто целое (или практически образом, т.е. воспроизводя их в соответствии с какой-либо относительно инвариантной формой; или концептуальным образом, т.е. дифференцируя их по группам отношений, событий, которые понимаются составляющими один и тот же класс), могут быть сами подвергнуты анализу как примеры вариаций, ограниченные пределами более или менее инвариантной группы. В действительности, этот уровень явлений есть *первичный* (как в онтологическом, так и в эпистемологическом смысле) уровень социальной и культурной структуры – как уровень, на котором происходит одновременное порождение вариаций и инвариантности, контраста между элементами и синтагматических комбинаций. Это – уровень, на котором то, что в структурном смысле можно назвать "тотальностями", генерируется в конкретном действии и проявляется в виде эмпирически наблюдаемых закономерностей, культурных продуктов и форм сознания. Сравнительные модели взаимоотношений между такими структурами первичного уровня (модели "a là Леви-Строс"), конечно, тоже имеют право на существование; но в них необходимо признать вторичные абстракции, а не некие реифицированные психологические структуры, которые якобы онтологически и эпистемологически предшествуют любым конкретным социальным и культурным единицам (не говоря уже о конкретных обществах и культурах).

То, что конституирует социальную или культурную "тотальность", будет, конечно, различным в случае разных контекстов и целей анализа, так же как и в случае разных условий, которые ставит перед нами исследуемая культура. Возьмем какой-нибудь отдельный миф или, например, нормативную форму мифа, если такая признана обществом; или же ряд мифов, понимаемый как цикл; или сочетание мифа и того ритуала либо социального контекста, который отражается в мифе (или частью которого сам этот миф является); или, если хотите, капиталистический способ производства, – все

из вышеупомянутого может конституировать "тотальность" в аналитических целях, в зависимости от контекста и этапа теоретического осмысления. Части внутренней структуры мифов, которые мы понимаем как самостоятельные истории, но которые представляются нам взаимосвязанными, можно сравнивать друг с другом, причем как в одной культуре, так и кросскультурным образом, а вариации, наблюдаемые между ними, можно, вероятно, представлять в виде групп трансформаций. Ясно, однако, то, что если мифы и прочие конструкции, подвергаемые такому сравнению, были изначально хорошо проанализированы сами по себе, то и "варианты", с которыми мы будем иметь дело, станут выглядеть совсем не так, как простые парадигматические ряды "групп" и "вариантов" Леви-Строса. Каждый из них будет иметь как схематическую, так и синтагматическую (в случае мифов – нарративную) форму, являющуюся средоточием множества парадигматических рядов, связанных отношениями трансформации и управляемых инвариантными ограничивающими факторами (см.: Turner 1980, 1985).

Лейтмотивной тенденцией в развитии "структуралистской" позиции Леви-Строса стало (как результат тех внутренних противоречий, на которые я попытался указать) распуывание самой структуралистской концепции "структуры". Именно этот процесс теоретического декомпилирования, я полагаю, нашел отражение в меланхолическом увлечении Леви-Строса темой энтропии. И потому я всецело (хотя и из нескольких других соображений) соглашусь с Альмейдой в том, что формальные стороны концепции структуры у Леви-Строса имеют непосредственное отношение к этому его увлечению. Альмейда пытается объяснить важное место данной темы в работе Леви-Строса, указывая на него как на логичное следствие применения математических идей о структуре, опосредованных идеями термодинамики, теории вероятностей и статистики. Я, в отличие от Альмейды, вижу леви-стросовское "энтропийное" растворение культуры в "инфракультурной" теории "естественных" психологических форм восприятия и познания и его перемещение культурной "структуры" в сферу "человеческого духа", представленного также натуралистическим образом, – словом, его программное редуцирование "культуры" к "природе" – как следствие его изначальной попытки вытеснить культурную "структуру" за пределы каких-либо конкретных культур. Ему просто некуда было больше двигаться.

Со времени своих самых ранних "структуралистских" сочинений Леви-Строс пытался искать некий "внекультурный" источник культурных структур в психологии. Его, следовательно, занимала психология на уровне тех структур, которые можно понимать как проходящие сквозь культурные различия, – т.е. на уровне "природы" (хотя вначале она представала у него еще в довольно узком смысле как "человеческая природа"). Психологические идеи, на которые он опирался поначалу, сочетали фрейдистские, социально-психологические и другие элементы, намекающие на его интерес к аффективным и прагматическим привязанностям в социальных отношениях и культурных формах. Эти идеи плохо подходили для построения психологии универсальных когнитивных принципов. Не давали они и теоретической основы для того, чтобы укоренить чистые структуры отношений из области "языкового бессознательного" в сфере таких естественных процессов восприятия и познания, которые были бы абстрагированы, с одной стороны, от социального и культурного контекста, а с другой – от субъективного сознания.

Леви-Строс разрешил эти проблемы частично с помощью разворота его точки зрения (от социальной структуры и шаманизма – к формальным структурам и естественным символическим кодам мифа), частично – с помощью переизложения его базовой теоретической парадигмы. Последнее состояло, по существу, в том, что его ранняя, более абстрактная и формальная лингвистическо-математическая концепция структуры (уже тогда локализованная на общевидовом уровне "бессознательного мышления" по ту сторону культуры и субъективности) была переизложена в более конкретных, "сенсорных" категориях, заимствованных из понятий М. Мерло-Понти о моделях вос-

приятия как бессознательных инфраструктурах мышления. Если судить по текстам, то ключевым шагом для Леви-Строса оказалось проведение метафорической аналогии между его бессознательными лингвистическо-математическими структурами и "гештальтами" Мерло-Понти (одним из центральных понятий, использованных Мерло-Понти в его попытке синтеза философских, психологических и марксистских теорий знания и форм сознания)².

По Мерло-Понти, "гештальты восприятия", или "сенсорные гештальты", представляли собой ассоциативные модели сенсорных свойств, поставляемые объектом восприятия в его отношении к телу воспринимающего субъекта. Будучи передаваемыми нейрофизиологическим аппаратом восприятия в аппарат сознания, подобные модели служили своего рода бессознательными агентами, формировавшими разные проявления субъективного сознания (понятия, суждения и т.п.), и, таким образом, выполняли роль кантовских трансцендентальных априорных категорий разума и форм ощущения. Важность этих моделей в построениях Мерло-Понти диктовалась тем, что они представлялись одновременно субъективными и объективными и, следовательно, "открывали путь к преодолению проблемы субъектно-объектных взаимоотношений, доминировавшей в философии от Декарта до Гегеля" (*Merleau-Ponty* 1964c: 123). "Гештальт", конституируемый актом восприятия, был неумолимо субъективным не только потому, что в нем воплощалось физическое отношение воспринимающего субъекта к объекту, но и потому, что во внимании субъекта, направленном к воспринимаемому "гештальту", проявлялась зародышевая форма "интенциональности". С точки зрения Мерло-Понти, данный элемент интенциональности представлял собой неотъемлемую часть "гештальта". Леви-Строс отбросил эту сторону положений Мерло-Понти и употребил понятие "гештальт" в манере, более подходящей для его собственного, совсем другого теоретического проекта, нацеленного на растворение субъекта (или, точнее, бессознательных структур сознания) в объекте и на избавление от субъективности – в частности, от культурных форм сознания – как от некоего побочного феномена.

Преследуя эту цель, Леви-Строс ухватился за утверждение Мерло-Понти о том, что канал восприятия, по которому "гештальты" передаются в сознание, не столько встроен в сферу субъективности, сколько является по своему характеру продолжением естественного мира объектов и их сенсорных свойств. Граница субъективности, таким образом, оказалась перемещена от зоны между сенсорным аппаратом и воспринимаемым естественным объектом к зоне между таким сенсорным аппаратом, который теперь уже сам был наделен эпистемологическими свойствами естественного объекта, и субъективным сознанием.

Как показалось Леви-Стросу, следовательно, в концепции Мерло-Понти он обрел конкретную основу для поддержки своего понятия о "досоциальном", "естественном" характере ментальных структур, причем решительное ее преимущество заключалось в том, что последние оказывались привязанными к "природе вне мышления". Теперь он был в состоянии утверждать не только то, что культура растворена в структурах сознания, но и то, что структуры мышления и сознание само по себе растворены в природе. Момент был пьянящим для создания "энтропологии": культуру и вместе с ней общество, историю, субъективность и сознание теперь можно было растворять и разлагать на элементы, находящиеся на "оестественной" плоскости "структур", расположенной где-то вне времени, сознания и значения – и, как оказалось, в аналитических целях, даже и вне самой структуры. С тем, как идея "гештальтов" Мерло-Понти была принята на вооружение Леви-Стросом в качестве материальной инфраструктуры его лингвистическо-математической структурной парадигмы, теоретическое видение Леви-Строса превратилось в развернутый вариант "тотемизма", в том смысле, что в нем присутствовало отчуждение и "оестествление" социальных и культурных продуктов. Леви-Строс вполне закономерно обратился к тотемизму как к прототипическому примеру явления, в котором формы культурного сознания конституируются по-

средством перцептивной фиксации естественных групп сенсорных свойств (тотемные виды и их отношения сходства и различия).

Оставалось лишь одно: развить аргументацию, дополняющую идеи Мерло-Понти с другой стороны, – а именно аргументацию о том, что процесс формирования культурных структур из ассоциативных цепочек сенсорного восприятия есть сам по себе естественный процесс, моделируемый нейрофизиологической структурой каналов восприятия, – и преподать обе стороны вместе как универсальную теорию элементарных структур культурного разума. Это Леви-Строс проделал в "Дикой мысли" (*Lévi-Strauss* 1962)³, труде, который он посвятил Мерло-Понти в признании своего глубокого, но конкретно так нигде и не объясненного долга перед последним (как ни странно, ни в самом тексте, ни в библиографии ссылок на Мерло-Понти нет).

"Дикая мысль" – "*La pensée sauvage*" во французском оригинале – работа, сама по себе остроумно преподанная в форме небольшого "сенсорного гештальта", той эмблемы нового теоретического синтеза, которая и выдвигается в ней. На обложке книги красуются полевые, т.е. дикие, анютины глазки, эмблематично олицетворяющие естественные "гештальты" восприятия, процесс отражения которых в "диком" ("естественном") мышлении служит основой для выстраивания семиотических репрезентаций и культурных категорий. Полевые анютины глазки – цветы, на французском языке называемые, как и "дикая мысль" или "естественное мышление", теми же словами "*pensée sauvage*" – не только оказываются весьма точным метафорическим выражением идеи, что структуры мышления опираются на заданные природой "гештальты" восприятия, но и (в силу того, что в культурном "языке цветов" в Европе эпохи Ренессанса они были символом "мысли") содержат коннотацию, сообщающую нам, что эти заданные природой "гештальты" также становятся основой для семиотических структур значения в культуре. На задней стороне обложки изображена россомаха, воплощающая идею "естественного" характера мышления (и в тексте книги Леви-Строс предпринимает иначе бы оставшийся непонятным экскурс в тему о высоко развитом интеллекте россомах, дабы дать нам ключ к этой ассоциации). Текст книги сам по себе (образец характерного культурно выраженного сосюрковского "*parole*") оказывается закономерно подвешенным между двумя обложками, олицетворяющими "*langue*" естественных форм, опосредующих связь этого текста с тем природным миром, к которому он нас отсылает. Культурное содержание данного "*parole*" (говорящее нам о том, что источник культурных структур сознания сокрыт в том, каким образом модели восприятия задействуются в естественных ментальных процессах распознавания и проведения ассоциаций) является совершенно излишним переизложением структуры обрамляющего "гештальта", и бинарная оппозиция между двумя сторонами обложки, конечно, играет роль своего рода "мета-аргумента". Фундаментальный же аргумент состоит в том, что культура вообще излишня. Замечание, высказанное Леви-Стросом при знакомстве с английским переводом его книги ("я не узнал собственную работу"), которое часто принимали за намек на неважное (но в действительности – очень даже неплохое) качество перевода, можно понять гораздо лучше, как я думаю, если интерпретировать его в более "визуальном" смысле, т.е. как реакцию на то, что британское издательство не воспроизвело французскую обложку – обложку, вдумчивое созерцание которой избавило бы многих обремененных академическими обязанностями англоязычных теоретиков культуры от необходимости штудировать текст, скрывающийся под ней.

С раскрытием культурной структуры его собственной теории и с появлением этого текста – уже не нужного выражения извечной диалектики между одушевленной и растительной природой, т.е. между естественным интеллектом и естественными моделями сенсорного опыта – проект "энтропологии", объявленный еще на последних страницах "Печальных тропиков" (*Lévi-Strauss* 1955), был как сенсорно, так и концептуально завершен. Все, что последовало за этим, было лишь дополнительным изложением тех или иных деталей этого проекта.

События 1968 г. поставили под вопрос основания этой аскетичной идеологии "мета-отчуждения", конечным следствием которой было то, что процесс отчуждения общественного сознания как естественной структуры сам детерминирован естественной структурой сознания. Эпоха, последовавшая за 1960-ми годами, однако, доказала, что Леви-Строс был еще более последовательным провозвестником идеи расстроенного самосознания капиталистического общества конца XX в., чем сами "шестидесятники". Можно лишь представить себе то ироническое чувство, которое испытывает он, глядя, как его собственная теория подвергается процессу исторической энтропии в руках постструктуралистов и деконструкционистов, ломающих голову над тем, как извлечь пользу из его теоретических пороков.

Примечания

¹ В опубликованном переводе на русский язык: *К. Леви-Строс. Мифологии. Сырое и приготовленное. М.: СПб., 2000. Но см. Примечание 15 к статье М. Салинса "Фрагменты интеллектуальной автобиографии" в настоящем номере журнала (прим. пер.).*

² См.: *Merleau-Ponty* 1962: 38, 68, 101, 130; 1964a: 13, 23–24, 77; 1964b: 49, 87–88; 1964c: 67, 123; 1968: 194–195, 205, 264–266.

³ В опубликованном переводе на русский язык: "Неприрученная мысль" (в кн.: *К. Леви-Строс. Первобытное мышление. М., 1994. Пер. А.Б. Островского*). Здесь используется вариант "Дикая мысль" (более буквальный) лишь затем, чтобы сохранить подчеркиваемую Т. Тэрнером прямую ассоциацию с дикими (т.е. полевыми) цветами у К. Леви-Строса. В этом частном случае слово "неприрученная", к сожалению, оказывается несколько менее контекстуально точным; но в целом, учитывая многозначность заглавия книги К. Леви-Строса и невозможность его идеальной передачи ни в каком переводе, следует признать вариант, предложенный А.Б. Островским, весьма удачным (коннотации "неокультуренного", присутствующие в "неприрученном", в большинстве случаев тонко вписываются в контекст рассуждений К. Леви-Строса). (*Прим. пер.*)

Литература

- Almeida* 1990 – *Almeida M.W.B. de. Symmetry and Entropy: Mathematical Metaphors in the Work of Lévi-Strauss // Current Anthropology. 1990. Vol. 31. P. 366–377.*
- Derrida* 1970 – *Derrida J. Structure, Sign, and Play in the Discourse of the Human Sciences // The Languages of Criticism and the Sciences of Man: The Structuralist Controversy. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1970.*
- Lévi-Strauss* 1955 – *Lévi-Strauss C. Tristes tropiques. P.: Plon, 1955.*
- Lévi-Strauss* 1962 – *Lévi-Strauss C. La pensée sauvage. P.: Plon, 1962.*
- Lévi-Strauss* 1969 – *Lévi-Strauss C. The Raw and the Cooked. N.Y.: Harper, 1969.*
- Merleau-Ponty* 1962 – *Merleau-Ponty M. The Phenomenology of Perception. L.: Routledge and Kegan Paul, 1962.*
- Merleau-Ponty* 1964a – *Merleau-Ponty M. The Primacy of Perception. Evanston: Northwestern University Press, 1964.*
- Merleau-Ponty* 1964b – *Merleau-Ponty M. Sense and Nonsense. Evanston: Northwestern University Press, 1964.*
- Merleau-Ponty* 1964c – *Merleau-Ponty M. Signs. Evanston: Northwestern University Press, 1964.*
- Merleau-Ponty* 1968 – *Merleau-Ponty M. The Visible and the Invisible. Evanston: Northwestern University Press, 1968.*
- Turner* 1977 – *Turner T. Narrative Structure and Mythopoeisis: A Critique and Reformulation of Structuralist Approaches to Myth and Poetics // Arethusa. 1977. Vol. 10. P. 103–163.*
- Turner* 1979 – *Turner T. Kinship, Household, and Community Structure among Kayapo // Dialectical Societies / Ed. D. Maybury-Lewis. Camb. (MA): Harvard University Press, 1979.*
- Turner* 1980 – *Turner T. Le denicheur d'oiseaux en contexte // Anthropologie et Sociétés. Vol. 4. P. 85–115.*
- Turner* 1985 – *Turner T. Animal Symbolism, Totemism, and the Structure of Myth // Natural Mythologies: Animal Myths and Metaphors in South America / Ed. G. Urton. Salt Lake City: University of Utah Press, 1985.*

Перевод с английского А.Л. Елфимова